

И. З. Суриков

В ОСТРОГЕ

(Из поэмы "Беглый")

Угрюма камера замкнутая острога,
Как зверя дикого огромная берлога.
Нависший потолок, и стены, и углы
Покрыты сыростью и плесенью, как мазью;
Кирпичный пол меж нар залеплен слизкой грязью...
Немолчный гам стоит, бряцают кандалы,
Пропитан воздух весь прогорклой смесью чада
С испариною тел и гнили; там и тут
Дымятся ночники вонючие... Как стадо,
Здесь заперт до утра острожный буйный люд...

Здесь заперт страшный зверь, стоустый, стоголовый:
Нет света и любви в душе его суровой,
В ней злоба на людей, в ней царство вечной тьмы.
Как волк подстреленный, в наморднике железном,
Рычит острожный люд, желаньем бесполезным
Томимый – погулять подальше от тюрьмы,
На воле рыскать вновь... Неужли в этом звере
Ничем не скажется погибший человек?
Неужли от себя, вступивши в эти двери,
Все человеческое навеки он отсек?..

. . . . .
И в этой кутерьме, над этим страшным гамом
Вдруг песня поднялась высоко, как волна...
Послушаем ее – ведь мы привыкли к драмам, –
Быть может, что-нибудь расскажет нам она.

ПЕСНЯ

Ты шуми, шуми, дубровушка,
Грусть-кручину заглуши!
Только в бурю сердцу весело,
Не томит тоска души.

Ты не пой мне, пташка, песенку
Об родимой стороне;
Только песни ветра буйного
Любо ночью слушать мне.

Пусть зовут меня разбойником, –
Я людей губить не мог...
Не разбой, а бедность лютая
Привела меня в острог.

Посадили добра молодца,
Чтоб не крал, не воровал,
У прохожих на дороженьке
Кошельков не отнимал.

Из тюрьмы глухой я вырвался
И скитаюсь в лесах;
Но и здесь я в злой неволюшке,
Хоть живу и не в стенах.

Я скрываюсь, вспоминая
Про голубушку-жену;
Сердце кровью обливается,
Жизнь и долю я кляню.

Терпит муку, горемычная...
Но еще того страшней
Вспоминать мне мать родимую